

ОБЩАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923

В. А. Мазиллов

Методологические проблемы исследования индивидуальности в психологии

Статья посвящена обсуждению методологических проблем исследования индивидуальности. Утверждается, что главной методологической проблемой является ограниченное понимание предмета психологии. Намечаются пути решения этой проблемы. Показано, что проблема предмета должна решаться в комплексе с другими методологическими проблемами. Предлагается новая когнитивная методология психологии, удовлетворяющая современным требованиям. Выделяются три уровня этой методологии, описывается ее структура.

Ключевые слова: индивидуальность, методология, когнитивная методология, предмет психологии, преттеория, метод, факт, теория, объяснение.

V. A. Mazilov

Methodological Problems of Researching Identity in Psychology

This paper is devoted to the discussion of methodological problems in the study of individuality. It is stated that the main methodological problem is limited understanding of the subject of psychology. Ways to solve this problem are outlined. It is shown that the subject problem must be solved in combination with other methodological problems. We propose a new methodology of cognitive psychology that meets modern requirements. There are three levels of this methodology, its structure is described.

Key words: individuality, methodology, cognitive methodology, a subject of psychology, pretheories, a method, a fact, a theory, explanation.

Исследование индивидуальности, наряду с изучением субъекта, несомненно, представляет собой одну из важнейших задач современной психологии. В изучении индивидуальности психология сталкивается с рядом проблем, которые происходят от недостаточной разработанности методологических проблем психологической науки. Отметим, что некоторые методологические проблемы наиболее отчетливо проявляются именно при исследовании индивидуальности.

В последние годы появляются новые подходы к изучению индивидуальности. На наш взгляд, представляется интересной попытка рассмотрения внутреннего мира человека как основы индивидуальности [13]. Перспективность такого подхода связана с тем, что позволяет «навести мосты» между психическими процессами, с одной стороны, и индивидуальностью и личностью, с другой. Не секрет, что при традиционном понимании предмета психологии они в значительной степени оказываются «разорванными», а от «приговаривания» слова психика особенного «сближения» обычно не происходит. Более того,

сегодня совершенно ясно, что академическая психология, являясь «наследницей по прямой» картезианского дуализма, не может объяснить активности психики. Если это еще как-то удастся сделать в сфере познания, то в области психологии индивидуальности затруднения становятся практически непреодолимыми.

Ниже мы остановимся несколько подробнее на анализе некоторых методологических проблем психологии, недостаточная разработанность которых выступает в качестве препятствий для исследования психологии индивидуальности.

Как мы полагаем, современной психологии требуется новое, более широкое понимание психики. Чтобы сделанные выше утверждения не показались излишней драматизацией ситуации, попробуем ее пояснить. Наиболее важной, на наш взгляд, является проблема предмета психологии. Эта проблема является источником постоянных недоразумений. Действительно, в современной психологии мы имеем дело с «многоступенчатым» предметом («декларируемый», «рационализированный», «реальный») [6]. Важно

подчеркнуть, что, «закрывая» эту проблему (как часто и происходит), мы лишаемся надежды на установление какого-либо взаимопонимания в психологии (см. [6]).

Для иллюстрации воспользуемся работой классика психологии XX столетия Ж. Пиаже [12]. Ж. Пиаже в главе, посвященной проблеме объяснения в психологии, замечает: «В самом деле, поразительно, с какой неосторожностью многие крупные психологи пользуются физическими понятиями, когда говорят о сознании. Жане употреблял выражения «сила синтеза» и «психологическая сила». Выражение «психическая энергия» стало широко распространенным, а выражение «работа» даже избитым. Итак, одно из двух: либо при этом в скрытой форме подразумевают физиологию и остается только уточнить, а вернее, измерять, либо говорят о сознании и прибегают к метафоре из-за отсутствия всякого определения этих понятий, сопоставимого с понятиями, которыми пользуются в сфере физических законов и физической причинности. В самом деле, все эти понятия, прямо или косвенно предполагают понятие массы или субстанции, которое лишено всякого смысла в сфере сознания» [12, с. 190]. Ж. Пиаже продолжает: «...понятие причинности не применимо к сознанию. Это понятие применимо, разумеется, к поведению и даже к деятельности; отсюда и разные типы причинного объяснения, которые мы различаем. Но оно не «подведомственно» сфере сознания как такового, ибо одно состояние сознания не является «причиной» другого состояния сознания, но вызывает его согласно другим категориям. Из семи перечисленных нами форм объяснения только абстрактные модели <...> применимы к структурам сознания, именно потому, что они могут абстрагироваться от того, что мы называем реальным «субстратом». Причинность же предполагает применение дедукции к подобному субстрату, и отличием субстрата как такового от самой дедукции является то, что он описывается в материальных терминах (даже когда речь идет о поведении и деятельности). Более того (и это является проверкой наших предположений), трудности теории взаимодействия возникают именно от того, что она пытается распространить сферу действия причинности на само сознание» [12, с. 190]. А это означает, что реальный предмет оказывается «разорванным» между двумя сферами, поэтому не стоит удивляться, что «одушевляющая связь» (Гете) также разрывается и «подслушать жизнь» (как всегда и

бывает в таких случаях) не удастся. Остается заботиться о том, чтобы психическое в очередной раз не оказалось эпифеноменом: «Все это поднимает, следовательно, серьезную проблему, и для того, чтобы решение, состоящее в признании существования двух «параллельных» или изоморфных рядов, действительно могло удовлетворить нашу потребность в объяснении, хотелось бы, чтобы ни один из этих рядов не утратил всего своего функционального значения, а, напротив, чтобы стало понятным по крайней мере, чем эти разнородные ряды, не имеющие друг с другом причинного взаимодействия, тем не менее дополняют друг друга» [12, с. 189]. Конечно, Декарт сделал для психологии много, создав методологическую возможность для появления современной психологии. Но абсолютизировать его вклад, вероятно, все же (в начале третьего тысячелетия) не стоит: дуализм позволил психологии стать наукой, но в настоящее время он мешает стать подлинной наукой – не только самостоятельной, но самобытной (учитывая уникальность ее предмета). Психическое и физиологическое, таким образом, оказываются и в современной психологии разорванными, разнесенными. Дело даже не в том, что в этом случае возникает искушение, которое, как показала история психологической науки, было чрезвычайно трудно преодолеть на заре научной психологии: искушение причинно объяснить одно за счет другого. В современной науке научились противостоять такому искушению. Ж. Пиаже в уже цитированной нами работе отмечает: «Эти непреодолимые трудности толкают большинство авторов к тому, чтобы допустить существование двух различных рядов явлений, один из которых образован состояниями сознания, а другой сопровождающими их нервными процессами (причем всякое состояние сознания соответствует такому процессу, а обратное было бы неверно). Связь между членами одного из рядов и членами другого ряда никогда не является причинной связью, а представляет собой их простое соответствие, или как обычно говорят, «параллелизм» [12, с. 188]. Здесь один шаг до признания психического эпифеноменом. Требуется усилие, чтобы удержаться от этого шага: «В самом деле, если сознание – лишь субъективный аспект нервной деятельности, то непонятно, какова же его функция, так как вполне достаточно одной этой нервной деятельности» [12, с. 188]. Дело в том, что подобного рода разрыв между психическим и физиологическим на две «параллельные» сферы произве-

ден таким образом, что делает психическое безжизненным, лишенным самодвижения (в силу постулируемой простоты психического). Поэтому психическое необходимо подлежит «объяснению», за счет которого психика и должна получить «движение»: оно будет внесено извне, за счет того, «чем» именно психическое будет объясняться («организмически» или «социально», принципиального значения в данном случае не имеет). Иначе при этой логике и быть не может (ведь предполагается, что предмет «внутренне простой!»). Это представляется роковой ошибкой. На самом деле психическое существует объективно (как это убедительно показано еще К. Г. Юнгом), имеет собственную логику движения. Поэтому известное правило Э. Шпрангера «*psychologica – psychological*» (объяснять психическое через психическое) является логически обоснованным: если психическое имеет свою логику движения, то объяснение должно происходить «в пределах психологии» (для того, чтобы сохранить качественную специфику психологического объяснения). Все трудности, которые зафиксированы в работе Ж. Пиаже, имеют общее «происхождение»: современная научная психология неудачно определяет свой предмет.

Каковы же перспективы разработки этой проблемы на современном этапе развития психологической науки? В решении этой проблемы можно выделить два аспекта, а точнее, два этапа ее решения. Первый этап – формальное описание предмета (какие функции он должен выполнять, каким критериям соответствовать). Эта работа в основном уже проделана [5]. Второй этап – содержательное наполнение концепта предмет психологии. И здесь работа уже проводится. Как конкретно будет называться этот новый предмет? Представляется, что наиболее удачным является термин «внутренний мир человека». Именно он позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение, вместив всю психическую реальность в полном объеме. Многие методологические проблемы психологии порождаются нерешенностью главной – выработкой нового понимания предмета. Противостояние парадигм, различия между естественно-научной и гуманистической ориентациями в психологии и т. п. – эти важнейшие проблемы являются следствиями нерешенности основного вопроса психологии. Проблема предмета – это действительно, если перефразировать классика, основной вопрос всей, в особенности новейшей психологии.

Необходимо специально подчеркнуть, что разрабатывать проблему предмета (хотя это и важнейший вопрос методологии) необходимо именно в комплексе с другими методологическими проблемами.

В наших работах конца 90-х гг. прошлого века было показано, что методология имеет конкретно-исторический характер и в идеале должна отвечать на вопросы и реагировать на проблемы, которые возникают внутри предметного поля науки. Иногда методологические изыскания опережают потребности науки, иногда запаздывают. В настоящее время на первый план выступает разработка общей методологии психологии. Подчеркнем, что это не попытка создать общую теорию. Мы разделяем мнение Юнга, согласно которому время общих теорий в психологии еще не пришло.

Дело в том, что резерв, который состоял в разработке отдельных изолированных методологических проблем (хотя и, несомненно, важнейших для психологии), к настоящему моменту практически исчерпан. В настоящий момент актуальна разработка проблем в комплексе, что ставит задачу разработки общей методологии психологии, в которой отдельные методологические категории оказались бы соотнесенными в едином смысловом пространстве. Именно в их концептуальном соотношении видится новый резерв методологических исследований и разработок.

Представляется, что когнитивная методология, отвечающая задачам сегодняшнего дня, должна иметь уровневое строение. Это уровневое строение должно отражать не только разнородность самого психологического содержания, но и принципиально различающиеся способы и методы работы на разных уровнях. Вообще, полезно помнить, что психология еще очень молодая наука, многое в ней не устоялось, поэтому, возможно, нас ожидают в самом скором будущем удивительные метаморфозы образа любимой науки. В. Ф. Петренко отмечает: «...Нет единой психологической науки, а есть скорее конгломерат наук с разными объектами и методами исследования, называемый одним именем – «психология». И ряд областей психологии, например, социальная психология, гораздо ближе к языку и методам к родственным научным дисциплинам, например, к социологии, чем к психофизике или медицинской психологии. Вполне возможно, что в дальнейшем из «психологии» выделится целый букет предметных наук, как в

свое время из философии выделились физика, химия, биология и сама психология» [11, с. 93].

В когнитивной методологии можно выделить по крайней мере три уровня. Подчеркнем, что разные уровни не только связаны с различным содержанием, но и характеризуются различными средствами их разработки. Отметим, что философский уровень в настоящее время проработан в меньшей степени, чем два других. (Чтобы избежать недоразумений, скажем, что в данной статье речь идет только о когнитивной методологии. Других разделов методологии психологии – коммуникативной, методологии психологической практики, социальной методологии (А. В. Юревич) – мы в настоящей статье не касаемся).

Верхний уровень – *философия психологии*. Нам уже приходилось писать о важности философской психологии для разработки методологических вопросов психологии [7]. Дадим самую общую характеристику философии психологии как уровня когнитивной методологии.

Этот уровень имеет дело с идеями. Используя терминологию К. Поппера, можно сказать, что философия психологии имеет дело с «третьим миром». Это основная зона ближайшего развития психологии и ее методологии. Философия психологии вырабатывает понимание предмета, конструирует предметное пространство психологии, обеспечивает единство психологии и интеграцию различных потоков психологического знания. Речь, в частности, о том, что кроме «академической», научной психологии существуют другие потоки психологического знания в культуре. Это и трансперсональная психология, и гуманистическая, и различные варианты практической психологии и психопрактики. И литература, и искусство, которые тоже по-своему раскрывают психическую жизнь человека. Философия психологии производит учет и интеграцию всего психологического знания (во всяком случае, на уровне идей). Подчеркнем два момента, существенные для понимания этого уровня. В философии психологии работа происходит только на уровне идей. Второй момент связан с тем, что методы работы на этом уровне методологического знания имеют свою специфику – это методы философского рассуждения и обоснования. Примерами разработки средствами философии психологии могут служить анализ проблемы предмета психологии и ее метода [6, 8]. (В рамках настоящей статьи мы не будем более характеризовать этот уровень методологии).

Второй уровень – собственно *когнитивная методология*. Когнитивная методология трактует вопросы познания психического, обоснования и верификации психологического знания (об этом более подробно будет сказано ниже).

Третий уровень – *методология психологического исследования*. Технология проведения экспериментального, квазиэкспериментального и иного эмпирического (или теоретического) исследования. (В данной статье мы не будем касаться характеристики этого уровня методологии, так как он достаточно хорошо освещен в соответствующих работах – см., например, известные книги Т. В. Корниловой).

Сформулируем суть нашего подхода к разработке когнитивной методологии. К исследованию любого феномена в области психологии существуют различные подходы. Традиционно они рассматриваются как несопоставимые, поэтому в лучшем случае речь идет о сосуществовании подходов. Мы полагаем, что при использовании специального методологического аппарата могут быть найдены дополнительные «точки соприкосновения» и «несопоставимые» концепции окажутся сопоставимыми в значительно большей степени, чем это обычно представляется.

Задача, на наш взгляд, выполнима, если в качестве основы для сопоставления выступит общая схема психологического исследования. Схема включает в себя следующие структурные компоненты: проблема, предмет психологии, определенная проблема, предтеория, метод (включающий три уровня: идеологический, предметный и процедурный), эмпирический материал, объяснение (включающее объяснительную категорию, собственно объяснение, предполагающее уровневую структуру), теория как результат исследования. Подчеркнем, что данная схема исследования является «замкнутой», то есть теория является основанием для постановки новой проблемы. Таким образом, инструментом сопоставления и соотнесения различных психологических концепций выступает общая когнитивная методология.

Мы разделяем следующую позицию: 1) разработка общей методологии возможна, так как может быть разработана универсальная модель, позволяющая свести, интегрировать в «общем исследовательском пространстве» важнейшие методологические категории; 2) использование подобного рода интегративной модели позволяет учесть наработки ведущих отечественных и зарубежных методологов, что позволяет сделать

разработанная нами ранее соотносительная модель (коммуникативная методология).

Общая методология психологии – непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории и т. д. в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи, на наш взгляд, не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Такую методологию можно назвать интегративной когнитивной методологией психологической науки.

Повторим, что главное препятствие многим методологам видится в несоизмеримости психологических концепций. При этом обычно ссылаются на работу Томаса Куна «Структура научных революций», в которой он, как многие полагают, обосновал этот тезис. Обратимся к книге классика. Ниже мы приведем несколько обширных цитат из классической работы Т. Куна (курсив в этих цитатах везде мой – В. М.). «Мы уже рассмотрели несколько различных причин, в силу которых защитникам конкурирующих парадигм не удается осуществить полный контакт с противоборствующей точкой зрения. Вместе взятые эти причины следовало бы описать как несоизмеримость *предреволюционных* и *послереволюционных* нормальных научных традиций, и нам следует здесь только кратко резюмировать уже сказанное. Прежде всего, защитники *конкурирующих* парадигм часто не соглашаются с перечнем проблем, которые должны быть разрешены с помощью каждого кандидата в парадигмы. Их стандарты или определения науки не одинаковы» [4, с. 221]. Томас Кун продолжает: «Однако речь идет о чем-то большем, нежели несоизмеримость стандартов. Поскольку новые парадигмы рождаются из старых, они обычно вбирают в себя большую часть словаря и приемов, как концептуальных, так и экспериментальных, которыми традиционная парадигма ранее пользовалась. В рамках новой парадигмы старые термины, понятия и эксперименты оказываются в новых отношениях друг с другом. Неизбежным результатом является то, что мы должны назвать (хотя термин не вполне правилен) недопониманием между двумя конкурирующими школами» [4, с. 222]. По Куну, существует и «третий и наиболее фундаментальный аспект конкурирующих парадигм. В некотором смысле, который я не имею возможности дальше уточнять, защитники конкурирующих парадигм осуществляют свои ис-

следования в разных мирах» [4, с. 224]. Т. Кун резюмирует: «Работая в различных мирах, две группы ученых видят вещи по-разному, хотя и наблюдают за ними с одной позиции и смотрят в одном и том же направлении. В то же время нельзя сказать, что они могут видеть то, что им хочется. Обе группы смотрят на мир, и то, на что они смотрят, не изменяется. Но в некоторых областях они видят различные вещи, и видят их в различных отношениях друг к другу. Вот почему закон, который одной группой ученых даже не может быть обнаружен, оказывается иногда интуитивно ясным для другой. По этой же причине, прежде чем они смогут надеяться на полную коммуникацию между собой, та или другая группа должна испытать метаморфозу, которую мы выше называли сменой парадигмы. Именно потому, что это есть переход между несовместимыми структурами, *переход между конкурирующими парадигмами* не может быть осуществлен постепенно шаг за шагом *посредством логики и нейтрального опыта*. Подобно *переключению гештальта*, он должен произойти сразу (хотя не обязательно в один прием) или не произойти вообще» [4, с. 224–225].

Обратим внимание, что обычно те психологи, которые восприняли куновские положения, говорят о несоизмеримости теорий вообще. Полагая, что это безоговорочно относится к психологии. По нашему мнению, без достаточных на то оснований. Конечно, авторитет Томаса Куна чрезвычайно велик, это выдающийся мыслитель. Попробуем критически отнестись к распространению выводов куновской теории на психологию. Выскажем некоторые соображения, которые, на наш взгляд, вносят долю сомнения в применимости идей классика к предметной области психологии.

1. Рассуждения Т. Куна основываются на примерах и обобщениях, взятых из истории естественных наук. Никем пока не доказано, что эти рассуждения имеют столь универсальный характер, что могут адекватно представлять ситуацию в области научной психологии.

2. Обычно упускается из виду, что ключевым моментом для рассуждений Т. Куна является научная революция (вспомним о названии его труда). Кун говорит именно о несоизмеримости *предреволюционных* и *послереволюционных* нормальных научных традиций. В психологии дело чаще всего обстоит не так, поскольку психология явно не является монопарадигмальной дисциплиной. Поэтому безоговороч-

ный перенос куновских рассуждений на область психологии сомнителен. (Тем более, что если принять во внимание неадекватность понимания предмета современной психологией, могут быть найдены основания и для того, чтобы считать психологию допарадигмальной дисциплиной. Впрочем, обсуждение этого вопроса здесь увело бы нас в сторону от основной темы, поэтому найдем для этого иное место).

3. В психологии мы действительно имеем различные теории одного явления (число их часто исчисляется десятками). При этом подчеркиваем, что авторы новой теории не ставят перед собой задачи опровергнуть другие теории. Задачу они видят скорее в том, чтобы дать адекватное описание и объяснение психического феномена. В этом случае говорить о революции не приходится. Поэтому речь о *переходе между конкурирующими парадигмами*, естественно, не идет. Таким образом, в психологии чаще всего просто нет задачи опровержения старой точки зрения, там заявляется новый подход.

4. Противоборство между парадигмами рассматривается как сознательный процесс, основанный на логике и нейтральном опыте: *переход между конкурирующими парадигмами* не может быть осуществлен постепенно шаг за шагом *посредством логики и нейтрального опыта*. В этом моменте, возможно, наблюдается радикальное расхождение между естественными науками и психологией. Дело в том, что количество «степеней свободы» при рассмотрении психических явлений значительно больше, чем в любой из естественных наук. Это совершенно естественно, если принять во внимание сложность самих объекта и предмета психологической науки. Соответственно, имеется значительно большее число возможных аспектов анализа. В этой связи важно подчеркнуть, что при формулировании теории важнейшую роль играют неосознаваемые самим исследователем процессы. Речь идет о том, что ниже в рамках настоящей статьи будет охарактеризовано как предтеория – исходные представления ученого. Она предшествует исследованию, часто вообще не осознается самим исследователем и выступает в качестве неявного основания исследования. Выявлено, что предтеория играет определяющую роль при проведении исследования в области психологии.

5. Как становится понятно, противоборство между парадигмами Т. Кун рассматривает как естественный процесс развития научного знания. Если использовать введенное выше различие

стихийной и целенаправленной интеграции, можно предположить, что вполне возможна ситуация, при которой работа соотнесения концепций выполняется незаинтересованным, нейтральным лицом – методологом или историком науки, то есть становится целенаправленной. Логично предположить, что в такой работе становится возможным то, что недоступно при стихийном соотнесении. Особенно, если вспомнить о том, что процедура предполагает выявление не осознаваемых самими исследователями оснований.

6. Наконец, обратим внимание на то, что Т. Кун исходит из явной аналогии между гештальтистскими исследованиями восприятия и переходом от одной парадигмы к другой. Действительно, хорошо известно, к примеру, что в случае «двойных» изображений нельзя помещать одновременно оба изображения на картинке. И переход внезапный. Иными словами (забегая вперед) отметим, что Томас Кун использует эти опыты как *моделирующее представление*. Но кто сказал, что это единственное и самое адекватное моделирующее представление для этого случая?

Таким образом, мы полагаем, что принципиальная несоизмеримость теорий и концепции в современной психологии не доказана.

Вернемся к собственно когнитивной методологии. Когнитивная методология психологии должна, как минимум, удовлетворять следующим требованиям: 1) должна быть достаточно широкой, то есть, как минимум, включать в себя основные названные методологические понятия (предмет, метод, теория, объяснение и др.); 2) должна иметь достаточно универсальный характер.

Задача, повторим, выполняема, если в качестве основы выступит общая схема психологического исследования. На этой основе была разработана схема соотношения теории и метода в психологии. Схема имеет объективную основу, так как основанием выступает схема организации психологического исследования. Как показали наши исследования, эта схема имеет универсальный характер и представляет собой структурный инвариант [6].

Общая стратегия построения концепции общей методологии может выглядеть следующим образом:

1. Корректировка и уточнение общей схемы соотношения теории и метода как основы для разработки общей концепции когнитивной методологии.

2. Разработка (исходя из общей схемы соотношения теории и метода) формальной схемы частных методологических концепций.

3. Разработка частных (содержательных) методологических концепций: а) предмета; б) предтеории; в) метода; г) психологического факта; д) психологической теории; е) объяснения.

4. Композиция частных методологических концепций и их интеграция в общую концепцию когнитивной методологии.

5. Оформление общей когнитивной методологии как концепции, ее проверка.

К настоящему времени такая работа начата, завершены первый, второй и третий этапы, предстоит выполнение важнейших четвертого и пятого этапов в разработке общей методологии. Формулирование концепции когнитивной методологии психологической науки будет способствовать дальнейшему развитию методологических разработок в отечественной психологии.

В рамках настоящей статьи (в силу ограниченности объема) нет возможности дать хотя бы эскиз общей когнитивной методологии или характеристику основных частных методологических концепций. Поэтому обозначим лишь некоторые моменты. Там, где это возможно использован историко-психологический аспект, позволяющий выявить первоначальную (исходную для научной психологии) форму того или иного компонента.

Психологический факт. Казалось бы, здесь все просто: в исследовании добываются эмпирические данные, которые подлежат интерпретации. Но, как предупреждал еще Кант, «разум видит только то, что сам создает по собственному плану» [3, с. 85]. Поэтому полученные эмпирические данные рассматриваются исследователем «сквозь призму» предтеории (см. ниже). Фактически они уже «прединтерпретированы», хотя это обычно и не осознается самим ученым. Этот момент необходимо специально подчеркнуть.

В понимании природы факта в современной философии науки выделяются две основные тенденции: фактуализм и теоретизм. Эти тенденции выступают одной из форм проявления старой дилеммы эмпиризм – рационализм. Если первая подчеркивает независимость и автономность фактов по отношению к различным теориям, то вторая утверждает, что факты полностью зависят от теории и при смене теорий происходит изменение всего фактуального базиса науки [9, с. 157–158].

А. Л. Никифоров справедливо отмечает: «В настоящее время все шире распространяется убеждение в том, что неверно как абсолютное противопоставление фактов теории, так и полное их растворение в теории. Факт является результатом активного взаимодействия субъекта познания с объектом и обладает сложной структурой, одни элементы которого детерминируются теорией и, следовательно, зависят от нее, а другие – особенностями познаваемого объекта. Зависимость фактов от теории выражается в том, что теория формирует концептуальную основу фактов: выделяет изучаемый аспект реальности, задает язык, на котором описываются факты, детерминирует средства и методы экспериментального исследования. В то же время полученные в результате эксперимента или наблюдения данные определяются свойствами изучаемых объектов. Они заполняют содержанием концептуальную схему. Таким образом, научный факт, обладая теоретической нагруженностью, в то же время сохраняет автономность по отношению к теории, ибо его содержание не зависит от теории. Именно благодаря этой относительной независимости факты способны противоречить теории и стимулировать развитие научного познания» [9, с. 158].

В другой работе А. Л. Никифоров развивает новое представление о научном факте как о некотором сложном целом, состоящем из нескольких элементов, связанных определенными отношениями: можно констатировать, что научный факт включает в себя три компонента: лингвистический, перцептивный и материально-практический, каждый из которых в равной мере необходим для существования факта» [10, с. 75–76]. «Три компонента факта теснейшим образом связаны между собой, и их разделение приводит к разрушению факта» [10, с. 76]. А. Л. Никифоров дает достаточно подробную характеристику компонентам факта. «Всякий факт, прежде всего, связан с некоторым предложением... Будем называть это предложение *лингвистическим компонентом факта*. Лингвистический компонент, очевидно, необходим, так как без него мы вообще не могли бы говорить о чем-то как о факте» [10, с. 73].

«Вторым компонентом научного факта является *перцептивный компонент*. Под этим я подразумеваю определенный чувственный образ или совокупность чувственных образов, включенных в процесс установления факта. Перцептивный компонент также необходим. Это обусловлено

тем обстоятельством, что всякий естественнонаучный факт устанавливается путем обращения к реальным вещам и практическим действиям с этими вещами. Контакт же с внешним миром осуществляется только через посредство органов чувств. Поэтому установление всякого научного факта неизбежно связано с чувственным восприятием и перцептивная сторона в той или иной мере необходимо присутствует в каждом факте» [10, с. 73]. «Не столь очевидно наличие в факте третьего, не менее важного компонента – материально-практического. Под «материально-практическим компонентом» факта мы имеем в виду совокупность приборов и инструментов, а также совокупность практических действий с этими приборами, навыки, умения, используемые при установлении факта» [10, с. 74].

Представляется важным выделение и описание структуры научного факта, проделанное в работах А. Л. Никифорова. Для психологии, возможно, более важным является то, что факт (по крайней мере, факт психологический, но, представляется, что данная характеристика достаточно универсальна) имеет не только «горизонтальное», но и «вертикальное» строение. Иными словами, психологический факт имеет и уровневое строение.

Могут быть выделены следующие уровни: идеологический, предметный, процедурный. Идеологический уровень связан с трактовкой предмета психологии, предметный и процедурный, соответственно, с базовой категорией и моделирующими представлениями. Не имея возможности здесь останавливаться на анализе уровней научного факта, сделаем лишь одно замечание, важное для истории психологии. Скажем, возьмем классическое исследование М. Вертгеймером «фи»-феномена. Иногда замечают, что стробоскопический эффект был известен до этого, факт не был новым. Это правильно, но лишь по отношению к процедурному уровню. Ценность этого научного факта – в идеологическом и предметном уровнях. На предметном уровне была доказана целостность гештальта («видимого движения»), на идеологическом Вертгеймер показал наличие феноменального поля. Поэтому уровневая трактовка факта, на наш взгляд, открывает новые перспективы в намеченном направлении.

Интеграция структурного и уровневого подходов к анализу факта возможна, но представляет собой самостоятельную исследовательскую

задачу (этого аспекта в настоящем тексте мы касаться не будем).

Предтеория. Предтеория представляет собой комплекс исходных представлений ученого, являющихся основой для проведения эмпирического (и даже теоретического) психологического исследования. Предтеория, таким образом, предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория имеет сложную детерминацию (образование исследователя, научные традиции, идеалы научности и т. п.). Может быть описана структура предтеории: проблема, «опредмеченная» проблема, базовая категория, моделирующее представление, идея метода, объясняющая категория, способ (вид) объяснения. Остановимся (очень кратко) на основных составляющих предтеории.

Проблема. В основе возникновения предтеории лежит проблема. Для того, чтобы проблема стала основой предтеории, она должна стать *опредмеченной*. Поясним это. В психологии существуют традиции, с которыми психолог (хочет он того или нет) вынужден считаться. К ним в первую очередь относится та, согласно которой психология должна заниматься изучением «психе» (отметим, что при всех различиях трактовок интуитивное представление является общим и хорошо описывается через самонаблюдение – это внутренний мир человека). Объяснение «души» (внутреннего мира – мыслей, чувств, воспоминаний и т. д.) – сверхзадача любой психологии. Даже самые радикальные реформаторы – представители объективной психологии – не уходили от этого (какой бы радикальной риторикой это не сопровождалось) [5]. Разрыв с этой традицией лишает права называть свою концепцию психологической.

Говоря об опредмеченности проблемы, важно подчеркнуть, что принципиально важным является выделение уровней в трактовке предмета (реальный, декларируемый, рационализированный) [5]. Определенное происходит на уровне *реального* предмета. Другой традицией, которой должна отвечать опредмеченная проблема, является определение психофизиологического статуса исследуемого психического явления. Иными словами, опредмечивание означает, дуалистически (имплицитно или эксплицитно) или монистически будет рассматриваться психический феномен. Таким образом, опредмечивание проблемы – это включение ее в контекст так или иначе трактуемого предмета психологии.

Базовая категория. Центральным элементом в структуре предтеории является базовая категория. Базовая категория – фундаментальное понятие для психологического исследования, задающее его общую ориентацию. Базовая категория фиксирует тип трактовки предмета, определяет основную ориентацию исследования, поэтому имеет самое непосредственное отношение к методу (точнее, идее метода). Базовая категория, таким образом, является основной детерминантой метода. Основными базовыми категориями в психологических концепциях выступают структура, функция, акт, процесс, генезис и уровень. В зависимости от выбранной базовой категории метод может быть структурным, функциональным, процессуальным и т. п. Генезис и уровень чаще используются в сочетании с другими категориями (в этих случаях исследование имеет комплексную ориентацию).

Идея метода. Идея метода определяется пониманием предмета науки. Если в качестве предмета выступают сознание или внутренний опыт, то идея метода (принцип метода) неизбежно определяется через внутреннее восприятие, самонаблюдение. Это означает, что даже если в данном исследовании будут использоваться другие методы, например, эксперимент, то они неизбежно будут выступать исключительно в роли вспомогательных, дополнительных. Естественно, идеи метода недостаточно, чтобы охарактеризовать метод психологического исследования в целом. Одна и та же идея метода может воплощаться в существенно различающихся вариантах метода [6].

Моделирующие представления. Понятие моделирующие представления введено Н. Г. Алексеевым [1]. Подчеркнем, что это важнейшее понятие, роль которого часто недооценивается. Моделирующее представление – это та модель, с которой соотнесен предмет исследования. Дело в том, что психическое явление само по себе (даже на уровне реального предмета) исследоваться не может. Для этого необходимо его «оформление» в виде некоей осязаемой модели (вспомним, что Л. С. Выготский говорил, что «все слова психологии суть метафоры, взятые из пространств мира»). Н. Г. Алексеев и Э. Г. Юдин справедливо указывают, что любое исследование может быть описано через совокупность процедур, однако, смысл исследования к совокупности процедур сведен быть не может: важно понять, почему применяются те или иные процедуры, каким образом их последовательность организуется в це-

лостность и т. д. Н. Г. Алексеев и Э. Г. Юдин подчеркивают, что эти моменты могут не фиксироваться в описании, но их наличие обязательно, так как без них последовательность процедур остается неорганизованной: «они необходимы как потребителю, так и его создателю: первому для понимания научного продукта, второму – для его построения» [1, с. 164]. Авторы полагают, что моделирующие представления всегда являются искусственной конструкцией, привлекаемой для объяснения. Н. Г. Алексеев и Э. Г. Юдин поясняют вводимое ими понятие следующим образом: «Подобные схемы, как правило, замыкаются на образ материальных предметов и связей между ними, мы и обозначаем как моделирующие представления» [1, с. 164].

Интегральным выражением предтеории является организационная схема – способ организации исследования, которое может быть направлено на раскрытие структуры, функции изучаемого явления или на выявление его процессуальных характеристик. Отметим, что если в ранних психологических концепциях использовались структурная, функциональная и процессуальная схемы, то в психологических концепциях более позднего периода использовались генетическая и уровневая организационные схемы, а также различные комплексные варианты: структурно-функциональный, функционально-структурный, функционально-генетический, структурно-уровневый и т. д. Таким образом, в структуру предтеории как исходных представлений исследователя, конкретизирующих понимание проблемы, входят моделирующие представления, идея метода и базовая категория. Предтеория находит выражение в организационной схеме исследования.

Метод. Метод представляет собой целостное образование, в котором тем не менее может быть выделено несколько уровней. В методе могут быть выделены три уровня (идеологический, предметный, процедурный). Идеологический уровень характеризует общую ориентацию исследования (направленного на изучение либо самосознания, либо поведения), предметный раскрывает подход к предмету изучения как содержательному (определяемому через его структурные, функциональные, процессуальные и т. д. свойства) и сводящий предмет изучения к конкретной модели, имеющей какое-либо наглядное содержание («замыкаемое» на конкретную ситуацию). Процедурный уровень определяет последовательность конкретных исследовательских процедур и конкретных методических приемов,

направленных на получение необходимого эмпирического материала. Особенно важно, что может быть установлено соответствие между компонентами предтеории и уровнями метода (идеологическим, предметным, процедурным). Выявлено, что идея метода определяет идеологический уровень, базовая категория и организационная схема – предметный, моделирующие представления – процедурный уровень метода.

Объяснение. Выше говорилось о базовых категориях. Эти же категории могут выступать в качестве объясняющей категории. Могут быть выделены виды объяснения, используемые в психологии. Используемый метод позволяет получить эмпирический материал, который подлежит интерпретации. Ядром, определяющим вид интерпретации, является объясняющая категория. В «наивных» концепциях, характерных для ранних этапов развития психологии как самостоятельной науки, часто наблюдается совпадение базовой категории и категории объясняющей. В более поздних концепциях происходит «наложение»: эмпирический материал добывается методом, соответствующим одной категории, а интерпретируется с помощью другой. Это создает возможности для появления других (альтернативных) видов объяснения.

Полученный эмпирический материал подлежит *интерпретации*. Интерпретация предполагает упорядочение данных посредством интерпретирующей категории. Производной от интерпретирующей категории является интерпретационная (объяснительная) схема. В качестве таковых выступают первоначально те же самые категории: структура, функция и процесс. В таких случаях протоколы опыта «редактируются» (по удачному выражению психологов Вюрцбургской школы). Интерпретация здесь, фактически, сводится к тому, что эмпирические данные упорядочиваются в направлении, заданном интерпретирующей категорией. На ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки базовая категория и интерпретирующая категории совпадают. В этом случае продуктом интерпретации является описание. Его на этом этапе и называют теорией. Но исследователь может не ограничиться описанием. Если возникает вопрос «почему?», тогда можно говорить о том, что психологическая концепция ставит задачу объяснения. В этом случае возможны варианты. Первый состоит в том, что объяснение происходит за счет обращения к физиологии. Напомним, что психология рассматриваемого периода осно-

вывалась на психофизиологическом параллелизме: параллелизм процессов служил обоснованием возможности существования психологии как науки. Реального объяснения, как правило, не происходило, а лишь давалось указание на *возможность объяснения*. Второй вариант состоит в том, что кроме интерпретации посредством категории, совпадающей с базовой, дополнительно происходит реинтерпретация посредством другой категории – например, «генезис» или «процесс». В случае генетических объяснений все выглядит очень похоже на физиологические объяснения: содержится указание на необходимость учитывать данные развития явления. Ввиду явной недостаточности научных данных относительно развития, дело ограничивается указанием на *возможность такого объяснения*. Попыток объяснения через категорию «уровень» в этот период также не встречается по той же причине.

На следующих этапах развития психологии используются уже сочетания объясняющих категорий, которые порождают сложные схемы объяснения. Термин схема объяснения введен Э. Г. Юдиным. «Под схемой объяснения... понимается способ организации концептуального аппарата, задающий общую стратегию исследования» [14, с. 26]. В рамках настоящей статьи мы не будем анализировать структуру и виды современного объяснения в психологии [6, 8].

Теория. Теория предстает как результат проведенного исследования и одновременно является основой для проведения дальнейших исследований. Уже упоминалось, что исторически первичной формой теории является описание. Собственно теория понимается на этом этапе развития науки как описание. Объяснение при этом чаще всего оказывается декларативным как указание на *возможность объяснения*. Особенный интерес в данном отношении представляет теория мышления Н. Аха, которую (с оговорками) можно считать переходной к объяснительным теориям. В рамках настоящей статьи нет возможности анализировать структуру и особенности современных теорий в психологии [8]. Обратим внимание, что опыт использования эмпирических методов создает возможность для появления теоретических методов исследования в психологии [6]. Схема теоретического метода в основных чертах воспроизводит структуру эмпирического.

Полагаем, что дальнейшая разработка когнитивной методологии будет способствовать и

продвижению в понимании психики и проведению новых исследований.

Представляется, что поэлементное сопоставление выделенных компонентов различающихся подходов и психологических концепций позволяет обнаружить как совпадения, так и те моменты, по которым существуют расхождения. Осуществление такого рода методологического анализа будет способствовать усилению взаимопонимания между исследователями и, тем самым, интеграции психологического знания.

Наконец, последнее замечание. Главная проблема – выработка нового понимания предмета психологии. Многие методологические проблемы психологии, как это уже отмечалось, порождаются нерешенностью главной – выработкой нового понимания предмета.

Формулирование концепции когнитивной методологии психологической науки, включающей новую трактовку предмета психологии, будет способствовать дальнейшему развитию методологических разработок в отечественной психологии и продвижению в исследовании психологии индивидуальности.

Библиографический список:

1. Алексеев, Н. Г. О психологических методах изучения творчества [Текст] / Н. Г. Алексеев, Э. Г. Юдин // Проблемы научного творчества в современной психологии / Под ред. М. Г. Ярошевского. – М. : Наука, 1971. – С. 151–203.
2. Зинченко, В. П. Преходящие и вечные проблемы психологии [Текст] / В. П. Зинченко // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. – Ярославль, 2003. – С. 98–134.
3. Кант, И. Сочинения в шести томах [Текст] Т. 3. / И. Кант. – М. : Мысль, 1964.
4. Кун, Т. Структура научных революций [Текст] / Т. Кун ; пер. с англ. // Структура научных революций. М., 2003
5. Мазиллов, В. А. О предмете психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии: научный журнал. – Т. 1. – Вып. 1. – 2006. – С. 55–72.
6. Мазиллов, В. А. Методология психологической науки: история и современность [Текст] : монография / В. А. Мазиллов // Методология психологической науки: история и современность. – Ярославль, 2007.
7. Мазиллов, В. А. О философии психологии (о некоторых методологических проблемах современной научной психологии) [Текст] / В. А. Мазиллов ; под ред. проф. А. В. Карпова // Проблемы общей и организационной психологии : сб. науч. трудов. – Ярославль : ЯрГУ, 1999. – С. 47–66.
8. Мазиллов, В. А. Когнитивная методология психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Когнитивная методология психологии. – Ярославль, 2011.
9. Никифоров, А. Л. Факт [Текст] Т. 4. // Новая философская энциклопедия. – М., 2010. – С. 157–158.
10. Никифоров, А. Л. Философия и история науки. [Текст] / А. Л. Никифоров. – М. : Идея-Пресс, 2008.
11. Петренко, В. Ф. Многомерное сознание: психо-семантическая парадигма [Текст] / В. Ф. Петренко. – М. : Новый хронограф, 2010.
12. Пиаже, Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм [Текст] / П. Фресс, Ж. Пиаже. – Экспериментальная психология. – Вып. 1, 2. – М. : Прогресс, 1966. – С. 157–194.
13. Шадриков, В. Д. Введение в психологию: Мир внутренней жизни человека [Текст] / В. Д. Шадриков. – М., 2002.
14. Юдин, Э. Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки [Текст] / Э. Г. Юдин. – М. : Наука, 1978.